

Чжао Линь попытался вырваться, но Линь Ин притянул его обратно. Рана на его спине тёрлась о кровать. Он зашипел и ахнул, в мгновение потеряв все силы, и пробормотал:

— Линь Ин, если ты посмеешь, я убью тебя.

Линь Ин опустил голову и рассмеялся:

— Хозяин, разве вы не просили этого слугу услужить вам? Этот слуга и впрямь услужил вам, почему же вы вините этого слугу?

Он помедлил и сказал:

— Девушка из семьи Чу не принимала «Порошок Чуньфэн». Это было возбуждающее снадобье, которое я достал в другом месте. Хотя действие похоже, но в нём не хватает одного — оно не заставляет людей терять память. А вот Порошок Чуньфэн — другое дело. Стоит его принять, и ты всё забудешь. Завтра ты забудешь эту нелепую ночь с этим слугой.

— Почему бы не исполнить желание этого слуги, которое он лелеял все эти годы, сегодня ночью?

Чем больше Чжао Линь слушал, тем шире становились его глаза. Сжав кулаки, он внезапно осознал слепое пятно:

— Так ты уже...

Он стиснул зубы и сказал:

— Позволь спросить тебя, это ты предупредил Цзи Юйцзиня, чтобы он так быстро нашёл это место?

Линь Ин помедлил:

— Этот слуга лишь попросил кое-кого передать Главе, что с той девушкой из семьи Чу случилась беда, но этот слуга не предавал Хозяина.

В груди Чжао Линя вскипел гнев, и он не мог вымолвить ни слова:

— Линь Ин, я хорошо к тебе относился, почему ты так со мной поступаешь?

Глаза Линь Ина потемнели, и спустя мгновение он мягко произнёс:

— Вы командовали и пользовались этим слугой, как коровой или лошадью, даже хуже, чем свиньёй или собакой. Если Хозяин считает, что это не было дурным обращением со слугой, тогда этому слуге больше нечего сказать.

— Но пока этот слуга может служить Хозяину, у этого слуги нет жалоб.

Он прервался на полуслове, и его тон смягчился, словно он произносил самые нежные слова:

— Этот слуга живёт только ради Хозяина.

Как только он закончил говорить, он поймал его в ловушку.

Чжао Линь:

— Стража!

Линь Ин:

— Хозяин, не кричите больше. Все, кто прислуживает снаружи дворца, — доверенные люди этого слуги. Не повредите свой голос криком.

Как только он закончил говорить, он перестал сдерживаться.

— Линь Ин, я убью тебя! — В следующий миг Чжао Линь был поглощён сильной болью и больше не мог произнести ни одного связного предложения.

Линь Ин легко поцеловал его волосы, и его ничем не примечательное лицо теперь было полно злого выражения:

— Этот слуга счастлив этому.

Вскоре после ухода Цзи Юйцзиня Управляющий Мо прислал кого-то принести воды. Чу Фэнцин подумал, что это был приказ Цзи Юйцзиня. Умывшись, он снова лёг в постель. Хотя он был измотан той ночью, ему совсем не спалось. Стоило ему закрыть глаза, как он видел эти лисьи глаза Цзи Юйцзиня.

В отчаянии он просто встал, нашёл бумагу и кисть и хотел попрактиковаться в каллиграфии, чтобы успокоить разум.

Но написав всего несколько строк, он обнаружил, что под его кистью проступают глаза и брови Цзи Юйцзиня.

Чу Фэнцин: «.....»

Он смял бумагу и отложил кисть. Ладно, оставим это. Он подумал, что, возможно, сегодня столкнулся с каким-то злым духом.

На второй день Чу Фэнцин написал рецепт и попросил Управляющего Мо помочь купить лекарство. Это было противоядие от немого снадобья. Принимая его три дня подряд, он наконец смог говорить, но его голос был очень хриплым.

Изначально он использовал серебряные иглы, чтобы проткнуть акупунктурные точки для изменения голоса, и ущерб уже был огромен. На этот раз ему дали немое снадобье. Если это случится снова, он, возможно, никогда больше не сможет говорить.

После того дня Цзи Юйцзинь, казалось, стал очень занят, и его не видели несколько дней, пока Управляющий Мо не проболтался.

Чу Фэнцин хотел найти Цзи Юйцзиня, чтобы поблагодарить его за то, что случилось в прошлый раз, но не мог его найти. Ему ничего не оставалось, как пойти к Управляющему Мо.

Управляющий Мо:

— Хозяина выпороли во дворце. Похоже, все эти дни ему приходилось ходить в Императорское медицинское управление менять мазь, поэтому он возвращался очень поздно.

Чу Фэнцин:

— Выпороли?

На лице Управляющего Мо было обеспокоенное выражение, словно ему самому было больно:

— Да, вся его спина в крови. Его прошлая рана ещё даже не зажила, и, кажется, швы тоже разошлись. Прошло совсем немного времени, а он снова ранен. Он и впрямь... не бережёт свою жизнь.

Чу Фэнцин на мгновение опешил, но вскоре понял причину. Кто может безнаказанно избить принца? Даже у Цзи Юйцзиня не было бы шансов.

Он поджал губы и сказал:

— Управляющий Мо, простите, что снова беспокою вас, я напишу ещё один рецепт, пожалуйста, помогите мне достать лекарство.

Управляющий Мо:

— Госпожа, прошу, отдавайте приказания. Этот старый слуга будет ждать.

После того как Управляющий Мо принёс лекарство, Чу Фэнцин варил его целый день, пока оно не превратилось в мазь. Это был рецепт, который он составил сам, и он был очень эффективен для лечения внешних ран. В то время он был хорошо известен в Цзяннани. Теперь он хотел дать его Цзи Юйцзиню попробовать — возможно, он окажется лучше, чем мазь из Императорского медицинского управления.

Однако время возвращения Цзи Юйцзиня было неопределённым, и даже Управляющий Мо не мог это контролировать. Ночь сгущалась, а Цзи Юйцзинь всё ещё не вернулся. Чу Фэнцин набросил плащ и вышел наружу.

Когда Цзи Юйцзинь вернулся во двор по снегу, он увидел человека, стоящего у двери. На нём был зелёный плащ, и он стоял прямо, словно ничто не могло сломать его спину. В руке он держал фонарь, и тусклый свет фонаря освещал угол, казавшийся особенно тёплым в эту снежную ночь.

Чу Фэнцин обернулся, услышав шаги:

— Вы вернулись.

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил. Прошло много времени с тех пор, как кто-то ждал его возвращения домой. Он издал «эн» и спросил:

— Почему ты пришла сюда?

После той ночи Цзи Юйцзинь перебрался в Западный двор. Управляющий Мо думал, что супруги поссорились, и пытался их помирить. Только они двое понимали, почему.

Чу Фэнцин:

— Управляющий Мо сказал, что вы ранены, я пришла проведать вас.

Цзи Юйцзинь издал звук «Ц-ц» и нахмурился:

— У Лао Мо большой рот.

Чу Фэнцин поднял глаза, чтобы посмотреть на него, и обнаружил, что его обычно яркие глаза, казалось, немного опустились, а ярко-красные губы стали гораздо бледнее. Он подошёл чуть ближе, и до его носа донёлся слабый запах алкоголя.

— Вы пили?

Цзи Юйцзинь подсознательно ответил:

— Яд уже выведен, теперь я могу пить.

Ответив, он вдруг нахмурился. Почему он должен объясняться перед ней?

Он поднял руку и потёр висок, случайно потревожив рану. Он зашипел и втянул воздух.

Глаза Чу Фэнцина потемнели:

— Простите, это всё из-за меня.

Тонкие губы Цзи Юйцзиня вытянулись в прямую линию, и через некоторое время он улыбнулся:

— При чём здесь ты? Чжао Линь даже не признал свою вину, так почему ты должна признавать свою?

Его слова заставили Чу Фэнцина слегка опешить. Цзи Юйцзинь говорил то же самое и в прошлый раз. Казалось, у него в сердце были справедливые весы, и он никогда не срывал свой гнев на других.

Чу Фэнцин холодным голосом произнёс:

— Я просто сожалею о вашем ранении. Что касается Чжао Линя, я отомщу ему, если представится случай.

Цзи Юйцзинь приподнял брови и посмотрел на него, словно говоря: «Вот это больше похоже на правду».

Чу Фэнцин достал из-за пазухи фарфоровый флакон. Во флаконе была мазь, которую он приготовил сегодня:

— Я хочу увидеть вашу рану.

Цзи Юйцзинь:

— Что там смотреть? Кровь и плоть, я уже видел императорского лекаря, можешь идти обратно.

Он взглянул на лицо Чу Фэнцина, бледное с оттенком синевы. Даже в плаще он, казалось, всё ещё очень замёрз. Он знал, что тот боится холода, но не ожидал, что настолько. Видя его таким, он вдруг беспричинно разозлился.

— Ц-ц, по крайней мере, тебя внесли в этот особняк в паланкине мои восемь человек. Так что же, этот Западный двор больше не часть поместья Цзи? Ты даже не смеешь войти в дом?

Чу Фэнцин моргнул и сказал, как само собой разумеющееся:

— Это частная земля, как можно войти без разрешения хозяина?

Цзи Юйцзинь выпалил:

— Зануда.

Чу Фэнцин: «.....»

После «маленького больного ростка» и «маленького грязного призрака» он получил ещё одно прозвище — «зануда».

Его виски запульсировали. Этот человек такой... надоедливый. Почему он так любит давать людям прозвища?

Цзи Юйцзинь редко видел его униженным, поэтому ему просто хотелось надавить, и он сказал:

— Тебе даже нужно спрашивать у меня разрешения, прежде чем войти в комнату, тогда почему ты не спросила меня, прежде чем поцеловать...

Чу Фэнцин: «.....»

Они посмотрели друг на друга. Цзи Юйцзинь первым отвернулся с выражением досады на лице. Он и впрямь говорил о том, что не относилось к делу.

Чу Фэнцин теперь был относительно спокоен. В конце концов, прошло уже столько времени. Он протянул мазь Цзи Юйцзиню и сказал:

— Мне не нужно осматривать вашу рану, но вы можете попробовать эту мазь.

Когда Цзи Юйцзинь брал флакон с мазью, он случайно коснулся его пальцев, которые, как и ожидалось, были холодными.

— Позвольте мне проверить ваш пульс. — Чу Фэнцин всё ещё немного беспокоился и, невзирая на отношение Цзи Юйцзиня, просто положил пальцы на его пульс.

Рука, схватившая его запястье, была холоднее железа. Цзи Юйцзинь провёл кончиком языка по верхней губе, затем схватил руку Чу Фэнцина и потянул его за собой, пинком распахнув дверь:

— Входи. Этот господин согласен впустить тебя. Если хочешь проверить пульс, сначала войди внутрь.

Чу Фэнцин тогда переступил порог, и Цзи Юйцзинь мягко сказал:

— Не ожидал, что ты такая старомодная в столь юном возрасте.

Чу Фэнцин с холодным выражением лица: «.....»

Эн, он здесь сегодня, чтобы осмотреть пациента. Он не может спорить с ним. Терпение!

Мазь и впрямь была эффективной. Раны на спине Цзи Юйцзиня покрылись коркой через несколько дней после того, как он начал её использовать. Однако они редко виделись. Хотя то, как они ладили, было почти таким же, он не знал, что изменилось. Ему всегда казалось, что между ними возникла трещина.

Однажды, когда Цзи Юйцзинь только прибыл в Сичан, Ли Юй пришёл поприветствовать его и сказал:

— Чжао Ли вернётся завтра, он закончил свою работу.

Цзи Юйцзинь:

— Эн.

Он только закончил говорить, как вспомнил кое-что, помедлил и спросил:

— Чжао Ли встречался с Чу Иньинь?

Ли Юй на мгновение заколебался:

— Он видел её. Дело семьи Чу было таким громким. Разве ты не поручил ему проникнуть в семью Чу за сведениями? Кажется, он пробирался туда несколько раз.

Он с любопытством спросил:

— В чём дело? Что-то не так с Чу Иньинь? Нужно мне проверить?

Он в предвкушении потёр руки. Он не знал, что происходит в столице в последнее время. Внезапно всё стало мирно. Он — Цяньху, и он сидел в своей комнате, целыми днями сочиняя бумаги. Было ли это разумно? Это было слишком неразумно! Его кости затекли, и он больше не мог сидеть на месте.

Глаза Цзи Юйцзиня слегка дрогнули:

— Ничего, проверять не нужно.

Он на мгновение задумался, постучал пальцами по столу, а затем закрыл глаза. Спустя долгое время он сказал:

— Скажи Чжао Ли, чтобы он пока не возвращался и отправлялся прямо на юг принимать другие дела.

Ли Юй:

— Что?! Ты, дьявол, Сяо Чжао и так уже так долго отсутствует, а ты даже не даёшь ему вернуться!

Он моргнул, и его мысли начали разбегаться:

— Почему ты спрашиваешь, знал ли Сяо Чжао Саоцзы или нет? А! Может быть, между Сяо Чжао и Саоцзы что-то есть?

— Я-то гадал, почему вы с Саоцзы в последние дни отдаляетесь друг от друга. Я даже думал, что между вами завелись какие-то маленькие гоблины. Оказывается, этот маленький гоблин прямо рядом с нами.

Цзи Юйцзинь холодно взглянул на него:

— Цин Сюань, уведи его и кастрируй, он такой громкий.

Цин Сюань появился в комнате, словно призрак, и потащил Ли Юя наружу.

Ли Юй упёрся в дверной косяк и завопил:

— Большой Брат! Я был неправ! Цин Сюань, этот упрямец, воспримет это всерьёз! Мой отец всё ещё хочет внука!

Цзи Юйцзинь потёр висок и махнул рукой. В следующий миг рот Ли Юя тоже был прикрыт, и в комнате мгновенно стало тихо.

Он крепко сжал губы; даже он сам чувствовал, что ведёт себя необъяснимо. Однако ему не хотелось копаться в прошлом «Чу Иньинь», предпочитая сохранять видимость спокойствия. Почему-то у него было предчувствие, что, если «Чу Иньинь» будет разоблачена, это ознаменует конец их судьбы.

После сильного снегопада Чу Фэнцин, используя свои связи, проник в тюрьму. Рассудок его отца всё ещё был затуманен; проверив его пульс, он обнаружил, что тот нерегулярен — похоже, его отравили. Он хотел проверить более тщательно, но тюремщик не мог ждать и постоянно торопил его.

Тюремщик, принявший его взятку, сказал:

— Госпожа, больше нельзя задерживаться. Если начальство узнает, нас приговорят к смерти.

Чу Фэнцину ничего не оставалось, как использовать серебряную иглу, чтобы взять образцы крови.

Когда тюремщик провожал его наружу, он сказал:

— Госпожа, не нужно проходить через столько хлопот. Вам достаточно принести жетон Главы, и вы сможете проходить через тюрьму без всяких препятствий, вам не придётся так рисковать.

Чу Фэнцин кивнул ему, но не ответил.

Он не хотел по-настоящему использовать Цзи Юйцзиня и не мог впутывать его в это дело.

Выйдя из тюрьмы, Чу Фэнцин не вернулся домой. Сегодня семья деда Цзи Юйцзиня по материнской линии устраивала банкет для гостей. Цзи Юйцзинь никогда не посещал такие банкеты, но на этот раз он впервые принял приглашение.

Более того, Цзи Юйцзинь носил фамилию Цзи — фамилию своей матери, а не фамилию Се князя Чэньнана.

Они пригласили обоих супругов, и Цзи Юйцзинь изначально сказал, что ему не нужно присутствовать. Но когда он это сказал, Лао Мо выглядел недовольным, поэтому Чу Фэнцин решил пойти и взглянуть.

Когда они прибыли в особняк Цзи, слуги снаружи немедленно вышли поприветствовать их, увидев, что это экипаж из Губернаторского особняка.

Чу Фэнцин сошёл с экипажа в великолепном одеянии, привлекая внимание всех присутствующих.

Он поднял взгляд, но ни одно лицо не показалось знакомым. Ну, он не вырос в столице, так что, естественно, у него не было здесь знакомых.

Похоже, у Цзи Юйцзиня были какие-то срочные дела, так что он немного опоздает.

Войдя в особняк, он увидел кое-кого — Цзи Юйлань.

Цзи Юйлань увидела его издали и лишь взглянула на него с оттенком презрения в глазах. Это было совершенно не похоже на то, как она вела себя в Губернаторском особняке. Здесь она казалась возвышенной и могущественной, словно он был чем-то, что не следовало показывать на публике.

Хотя у Чу Фэнцина были сомнения, он, конечно, не стал бы спрашивать.

— Она пара Цзи Юйцзиня?

— Она хороша собой. Этому евнуху так повезло.

— Хех, он всего лишь евнух, может смотреть, но не может съесть, ха-ха-ха.

— Тише.

— Что «тише»? Всё в порядке. Это особняк Цзи. Он не посмеет действовать опрометчиво.

Чу Фэнцин слышал обсуждения прямо рядом со своими ушами, и это происходило прямо перед ним.

Цзи Юйлань тоже была среди них, просто она ничего не говорила и не останавливала их.

Через некоторое время группа людей подошла к нему.

Молодой человек подошёл, посмотрел на него, и в его глазах было странное выражение.

— Твоему брату так повезло.

Цзи Юйлань усмехнулась:

— Он всего лишь тот, у кого отрезали корень.

Люди вокруг неё немедленно поддакнули.

— Разве не так? Старый господин Цзи — один из трёх герцогов, но у него такой презренный внук. Это и впрямь позор для семьи.

— Я слышал, он ещё и похотлив, и у него несколько любовников-мужчин. Он извращенец. — Мужчина взглянул на Чу Фэнцина и без колебаний сказал: — Госпожа, правда ли то, что говорят во внешнем мире?

Чу Фэнцин нахмурился:

— Если хочешь обвинить кого-то в чём-то, всегда можно найти предлог. Вы просто повторяете чужие слова.

— Ха-ха-ха, посмотрите на неё, она даже покрывает этого евнуха.

— Он всего лишь безродная тварь, какой ещё глава? Тьфу! Если бы мой отец не остановил меня, я бы посмеялся над ним прямо в лицо.

— Юйлань, хорошо, что ты не вышла за него.

Они совершенно проигнорировали слова Чу Фэнцина. Они просто продолжали говорить, и их слова становились всё более и более неприятными. Всевозможные слухи становились правдой в их устах. Спорить с ними в это время было бы бесполезно, потому что они бы не стали ни слушать, ни верить.

В этот миг он начал понимать, почему репутация Цзи Юйцзиня была такой ужасной.

Как только Цзи Юйцзинь ступил на лестницу, он услышал, как группа людей говорила, и предметом обсуждения был он.

Он прислонился к внешней стене с улыбкой на губах. Он уже давно слышал эти слова. Они были всего лишь кучкой клоунов, которые осмеливались плясать только за его спиной. Если бы они действительно встали перед ним, они бы, наверное, до смерти перепугались.

В этот миг кто-то внезапно спросил Чу Фэнцина:

— Писаная красавица, почему ты вышла за него? Будь я на твоём месте, я бы сбежал ночью.

— Верно, верно, лучше пойти со мной, чем с ним. По крайней мере, меня ещё можно использовать, ха-ха-ха.

Лицо Цзи Юйцзиня похолодело, и в следующий миг он услышал холодный голос.

— Вы не можете сравниться с ним.

— Ему не обязательно быть очень хорошим, достаточно того, что он нравится мне.

<http://bllate.org/book/17231/1615543>